

Гадеев А.В.

ДИСКУССИИ ПО ПОВОДУ ТЕЗИСА О ПРЕВЕНТИВНОЙ ВОЙНЕ

Генезису, началу и результатам второй мировой войны посвящена огромная, различная по своему содержанию литература, объем которой продолжает стремительно нарастать. Так, по данным британской национальной библиографии, в мире сейчас издается или переиздается только на английском языке до 10 книг о второй мировой войне каждую неделю. Это, в частности, объясняется доступностью архивных источников, относящихся к этой проблеме, и прежде всего немецких источников как одного из результатов разгрома нацистской Германии и ее союзников силами антигитлеровской коалиции.

На рубеже 90-х годов XX века были открыты британские архивы, в значительно меньшей степени – французские. Доступны также итальянские архивы и ряда других стран, участвовавших в войне. Доступны и польские архивы, значительная часть которых была, однако, уничтожена в результате военных действий, развернувшихся на территории страны. Все крупные государства – участники войны – Великобритания и Франция (с 1939 г.), Италия (с 1940 г.), Советский Союз и Соединенные Штаты Америки (с 1941 г.) опубликовали сборники документов, касающихся дипломатической деятельности накануне и в ходе второй мировой войны. И хотя до настоящего времени еще не введены в научный оборот многие важные документы (в частности ряд советских и российских архивных материалов), общая картина генезиса второй мировой войны и ее первых недель вырисовывается достаточно полно.

Много стало появляться научного материала и о Великой Отечественной войне.

Человечество ведет особый счет войнам – самым трагическим периодам своей истории. Вновь и вновь вопрошая, в чем истоки этих трагедий, откуда вести их родословную, люди пытаются найти ответы на вопросы, которые с любой точки зрения нельзя назвать отвлеченными. И главный из них: вызваны ли войны неконтролируемыми общественными силами или случайным стечением обстоятельств, незадачливостью, некомпетентностью, а то и безумными амбициями политиков? Для ответа на этот и другие вопросы необходимо считаться с накопленными знаниями. Это бесспорная истина. Однако вместе с тем много веских доводов в пользу того, чтобы не полагаться сегодня всецело на те выводы, которые были сделаны исходя из наших представлений шестидесятилетней давности, в данном случае касающихся событий 1941 г., анализу которых посвящена предлагаемая статья.

Время заострило ту грань проблемы, которая была почти неразличима прежде в силу преимущественно вульгарно-социологического, прямолинейного, недиалектического подхода к причинам возникновения, рассматриваемым в категориях исторической предопределенности и неотвратимого глобального вооруженного противоборства антагонистических сил. А между тем необходимо видеть проблему и в контексте альтернативности развития, учитывая все параметры возникшей тогда экстремальной ситуации, взорвавшейся нападением нацистской Германии на Польшу.

Этот важный аспект исследования имеет не только познавательную ценность. Выяснить и объяснить причины (объективные и субъективные, более отдаленные и непосредственные) того, что только, в конечном счете, сделало невозможным избежать военной катастрофы, заставило умолкнуть дипломатов и открыть кровавый счет убитым, раненым и искалеченным, – это значит еще и утвердить высокое моральное предназначение истории – служить предупреждением от заражения вирусом апатии и равнодушия, национального эгоизма и некритического мышления («моя страна всегда права») в такой важной сфере человеческого общения, какой являются международные отношения. Идущая во многих странах острая, порой даже ожесточенная, дискуссия о происхождении и причинах второй мировой войны, вызвана не просто серией круглых дат или расчетливым устремлением историков непременно утвердить свою «правду» о событиях конца 30-х годов, ставших точкой отсчета для измерения многих качественных, «показателей» той поворотной и еще отнюдь не исчерпавшей себя полностью полосы развития человечества. Все значительно серьезнее.

Обращаясь к истории, мы ищем ответы, необходимые нам в настоящем мире, насыщенном опасностью международного терроризма и тревогой за будущие поколения. Диалог с прошлым помимо других причин отражает стремление не допустить разобщения народов, опасного противостояния «своих», узконациональных интересов (к тому же понятых примитивно, вне связи с глобальными процессами) интересам общечеловеческим, жесткой геополитической борьбой, того глубоко укоренившегося стереотипа мышления, согласно которому выигрыш для одного непременно является проигрышем для другого. Десятилетие 30-х годов, строго говоря, нельзя называть предвоенным, поскольку, начиная с 1931 г. (захват Японией Манчжурии) мир сотрясали все новые и новые «малые» войны, кровавым почерком вписывая свои главы в летопись современной цивилизации. Германский фашизм, развязав вторую мировую войну, довершил эту работу и тем самым дописал самую мрачную ее страницу. Перечитывая ее, наши современники и будущие поколения, ищущие и вырабатывающие качественно новую философию всеобщей безопасности, найдут много поучительного и в тех ее разделах, которые воплощают собой отрицательный опыт, так сказать, пассив всемирной истории, ее трагические черты и потери.

Оправдан, разумеется, и скептицизм. И действительно, способно ли еще одно «коллективное» погружение в тайны рождения войны хоть немного приблизить нас к постижению истины, коль скоро в ходе идущей полемики так резко обозначились разногласия, в том числе и в отношении ко всей предшествующей историографической традиции, к выработанным представлениям? Нет, даже если это так, не следует опасаться возникшей «неразберихи», поскольку она неизбежна на определенном этапе. Развитие науки обеспечивается борьбой мнений и сопоставлением гипотез. Успех ожидает нас только в том случае, если при каждой следующей попытке мы будем освобождаться из цепких пут фантомов и стереотипов, уби-

вающих живую мысль и внушающих подобострашие к авторитету так называемого социального заказа.

Однако, поскольку речь идет о войне, о силах, сделавших возможным ее развязывание, и о тех, кто не сумел им противостоять, постольку любая коррекция или пересмотр наших представлений должны базироваться не на одних только благих пожеланиях «писать ярко и безоглядно правдиво», не на одних призывах не бояться заглянуть за край, а на точном знании, добытом большим трудом, доступном перепроверке и отвечающем самым высоким научным критериям.

Этот путь отнюдь не сковывает внутреннюю свободу исследователя. Напротив, он дает твердую точку опоры для вторжения в любые «закрытые зоны». В истории предвоенного политического кризиса за последние шесть десятилетий их накопилось немало, достижения же отечественных ученых здесь являются, нужно признать, весьма скромными. Говоря о причинах и того и другого, следует назвать прежде всего повышенную секретность, установленную правительствами и ведомствами в отношении больших групп документальных источников (это относится как к зарубежным, так и к отечественным материалам), неразработанность ряда фундаментальных вопросов, малочисленность исследовательских кадров и общее отставание меж дисциплинарных исследований (например, психоистории), связанных напрямую с проблемой генезиса войн.

В последние годы вышло огромное количество научных исследований о Второй мировой войне, в которых авторы на основе новых архивных документов пытаются осветить различные события. Стало нормой, когда издаются сборники научных статей, в которых публикуются авторы из различных стран. В частности, очень часто стали выходить сборники российских и немецких ученых, исследующих Вторую мировую войну. И по-прежнему муссируется тезис о превентивной войне.

Для серьезных ученых, исследующих историю второй мировой войны, вопрос о том, кто был агрессором в германо-советской войне 1941-1945 гг. ясен. Как подчеркивает Г. Юбершер в статье "Развитие германо-советских отношений с 1939 по 1941 гг. и влияние Гитлера на нападение на СССР", о планировании нападения на СССР уже в 60-е годы в ФРГ публиковались труды, насыщенные источниками и определившие дальнейший ход исследований на эту тему. Немецкие источники времен "третьего рейха" неопровержимо свидетельствуют, что нацистский режим вел расистскую, агрессивную, истребительскую войну против СССР. Этот вывод подтверждался многочисленными публикациями, в которых эти источники были введены в оборот и сформированы методы работы с ними. Опубликованные в Германии авторитетные труды по германской истории XX в., истории второй мировой войны и нацизма позволяют сделать вывод: подготовка и осуществление нападения на СССР вытекали из сущности гитлеровской диктатуры и основывались на ее идеологических мотивах. Отдельные современные ученые не делают акцента на идеологическом факторе. В своих поисках они обращаются к категориям геополитики и цивилизованного развития, преодолевают многие штампы предшествующей историографии, в большей части рассматривающей Вторую мировую войну с сугубо классовых событий, как схватку первой страны социализма с ударным отрядом «империалистической реакции».

Целями германской оккупации СССР были: колонизация страны, ее разграбление, порабощение и уничтожение населения. Планы истребительной войны были обращены против коммунистов, евреев и славян. По своей сути "русская кампания" была не только агрессивной, но и расистской войной, положившей начало систематическому уничтожению европейских евреев.

Руководитель семинара по истории Фрайбургского университета приват-доцент В. Ветте (ФРГ) в статье "Тезис нацистской пропаганды о превентивном нападении" рассматривает пути формирования и практического применения стереотипов нацистской пропаганды, которая стремилась внушить немецкому народу мысль о неизбежности войны против СССР. Тезис о превентивной войне против СССР был выдвинут в июне 1941 г. Гитлером и Геббельсом. Главным при этом было не объяснение ими своих истинных намерений, а маскировка и сокрытие от мировой общественности фактических целей агрессии, а также мобилизация немецкого народа на истребительную войну.

В статье преподавателя истории учебного центра Зеефелле в Фильдерштадте В. Бенца (ФРГ) "22 июня 1941 г. и его предыстория на уроках истории в ФРГ" говорится, что необходимо постоянно корректировать школьные учебные программы в целях вооружения школьников аргументами против установок национал-консервативных и правозкстремистских течений, в пропаганде которых тезис о превентивной войне и ныне играет существенную роль.

Структура современных научных исследований о войне отвечает намерению авторов исследовать военные планы Гитлера и Сталина в 1939-1941 гг. За разделом о военно-политической ситуации в Германии следуют тексты российских историков о советской внешней и военной политике. Если статьи немецких историков подводят итоги исследований нескольких десятилетий, то материалы, представленные российскими учеными, свидетельствуют о качественном сдвиге в исследованиях ученых, работающих в постсоветское время в условиях открытия архивов.

Профессор Липецкого педагогического института А.И. Борозняк, анализируя в статье "Российский спор историков?" ход современной российской дискуссии о "превентивной войне", отмечает, что новые архивные публикации требуют активного пересмотра оценок сталинской внешней политики. Распространенным недостатком является то, что публикация документов не сопровождается необходимой критикой источников и адекватным анализом политического контекста.

Документальные разделы различных работ, представленные немецкой и российской сторонами, не равнозначны по характеру, так как различны современные условия пользования архивами в Германии и России.

Рассматривая советскую политику по отношению к Германии и "пакт Гитлера-Сталина", профессор

Академии военных наук М.И. Семиряга в статье "Советско-германские отношения 1939-1941 гг. - точка зрения Москвы" противопоставил свою трактовку прежним интерпретациям, распространенным в советской историографии. Сталинскую внешнюю политику М.И. Семиряга рассмотрел в контексте с провозглашенной программной целью советского руководства: гарантировать безопасность государства при любом повороте событий. Но Сталин не сумел адекватно использовать возможности для создания антинацистской модели внешнеполитического союза. Его безальтернативно дружественная политика по отношению к Германии привела в начале сентября 1939 г. к внешнеполитической изоляции СССР.

В статье Л.А. Безыменского "Советская разведка и начало войны в 1941 г." показан процесс принятия решений политическим руководством СССР. Автор указывает на эффективную работу разведки. Уже 29 декабря 1940 г. в Москву была переправлена директива № 21 ("План Барбаросса") о нападении Германии на СССР. В январе 1941 г. "План Барбаросса" лежал на столе у Сталина. Последующие сообщения о концентрации немецких войск на советских западных границах полностью соответствовали реальности. Однако у Сталина был собственный подход к данным разведки. Он требовал представить ему первичные документы без каких-либо комментариев или аналитических заключений. Выводы он делал всегда самостоятельно. Создавалась иллюзия, будто Германия делает все, чтобы избежать войны на два фронта и сохранить партнерство с СССР. На базе новых источников Л.А. Безыменский подтверждает тезис о том, что в июне 1941 г. Сталин ждал предложения о переговорах от немецкой стороны и считал выдвижение войск вермахта к советским границам средством давления на СССР.

В статье научного сотрудника Института военной истории МО РФ Н.М. Романичева "Планы ответного удара со стороны СССР" отмечается, что Сталин был уверен в том, что он и командование Красной Армии сумеют вовремя разгадать приготовления агрессора и предпринять необходимые защитные меры. Н.М. Романичев подчеркивает, что подготовка СССР к войне велась в рамках наступательной стратегии; однако вариант стратегической обороны, равно как и возможность неожиданного нападения на СССР, оставались без должного внимания. В случае вражеского нападения предусматривалось, согласно мобилизационному плану, наступление Красной Армии, перенос военных действий на территорию противника и его разгром. Автор отмечает, что опубликованные в сборнике документы подтверждают вывод о том, что планов наступательной или превентивной войны со стороны СССР не было.

Автор акцентирует внимание на том, что Сталин отклонил и не подписал представленные ему в первой половине мая 1941 г. "Соображения о стратегическом развертывании вооруженных сил Советского Союза", которые были подготовлены наркоматом обороны и генштабом и содержали планы превентивного удара Красной Армии против изготавившихся к нападению войск вермахта. Н.М. Романичев доказывает, что Сталин, не имея союзников, боялся нанести по войскам Германии упреждающий удар.

В мае 1941 г. советскому руководству стало ясно, что меры по ограниченному выдвижению сил Красной Армии к западным границам были не достаточными, что настоятельно необходимы меры по повышению боеготовности вооруженных сил, вследствие этого были проведены мероприятия по передислокации войск и частичной мобилизации. План развертывания войск, разработанный для периода высшей напряженности, не подвергался корректировке. Необходимо было издать директиву о концентрации войск на оборонительных позициях, что требовало времени. Но Сталин промедлил с изданием такой директивы. Одновременно он предпринимал многочисленные, правда, не упомянутые Н.М. Романичевым, дипломатические акции, направленные к политическому согласию с Германией.

Всякая война сопровождается попытками обмануть противника, потоки дезинформации обычно предшествуют любой крупной военной операции, а по объективному учению истории той или иной войны сопутствуют, как правило, фальсификации разной степени извращенности. Бесчисленное количество фальсификаций сопровождает и изучение истории Великой Отечественной войны. Речь идет не об ошибках, точностях или исторически оправданных версиях, догадках, которые требуют дальнейшего обсуждения и дискуссий. Дело идет о сознательных искажениях истины, прямых выдумках. Не раз приходилось слышать утверждения о том, что Сталин и Гитлер лично встречались в 1935 г., на одном из кораблей на Черном море, а в 1940 г. такая тайная встреча проходила уже на Балтийском море. С. Тарасов писал в июне 2001 г., что документы, обнаруженные московской газетой «Век» в историческом архиве Грузии, показывают, что граф Шуленбург был хорошо знаком со Сталиным еще по Тифлису, где Шуленбург работал до начала Первой мировой войны германским вице-консулом. Именно это обстоятельство, о котором знал Гитлер, сыграло важную роль при назначении в 1934 г. Шуленбурга послом в Москву. После 1939 г. Шуленбург и Молотов создали «специальный канал связи», используя который, диктаторы двух стран поддерживали контакты друг с другом. При этом Сталин лично и конфиденциально не раз встречался с Шуленбургом, что и позволило Гитлеру обмануть Сталина в июне 1941 г. [155] Не знаю, было ли до 1914 г. в Тифлисе германское вице-консульство. Но хорошо известно, что Сталин после 1907 г. не был ни в Тифлисе, ни в Грузии. В. Юровицкий, член Международной академии информатизации и эксперт Государственной Думы, опубликовал в июне 2001 г. в «Литературной газете» статья «Готовился ли второй «Брестский мир» в 41 году?» Автор этой статьи утверждает, что Сталин, который боялся своего народа, крестьянства и армии, был страшно напуган полученным в Кремле еще в мае 1941 г. ультиматумом Гитлера. Но еще больше он боялся своей же собственной Красной Армии, которая после ужасов коллективизации и раскулачивания готова была повернуть штыки против самого Сталина. Поэтому Сталин решил принять ультиматум Гитлера и отдать Германии Прибалтику, а также большую часть Украины и Белоруссии. При этом с помощью Жукова, который был посвящен во все тайные замыслы вождя, Сталин сам организовал разгром Красной Армии на западных фронтах. Он рассчитывал заключить с Гитлером новый Брестский мир и сохранить свою власть над страной ценой «контролируемого поражения». Эти планы и тайные соглашения не удавалось, однако, осуществить, ибо народ и армия поднялись на защиту Родины, опрокинув таким об-

разом расчеты Гитлера и Сталина. Сталин, как оказалось, не знал хорошо свой народ и не верил в силу его патриотизма. Поэтому он не мог предвидеть тот небывалый в истории подвиг народного духа, который был главной причиной победы России и всех стран бывшего СССР в Великой Отечественной войне [1].

В ином направлении развивал свои фальсификации Виктор Суворов. В книге «Ледокол», которая вышла в свет еще в 1990 г. и затем много раз переиздавалась массовыми тиражами в России и в десятке других стран, Суворов пытается доказать, что Сталин и Жуков полностью завершили к июню 1941 г. подготовку к нападению на Германию, которое должно было произойти 6 июля 1941 г. Больше 150 дивизий Красной Армии должны были неожиданно атаковать немецкие и румынские войска и при поддержке тысяч танков и самолетов нанести им быстрое и сокрушительное поражение. Гитлер узнал об этом от своей разведки и предпринял 22 июня 1941 г. превентивное наступление. Поэтому подлинным агрессором в этой войне следует считать не Гитлера, а Сталина. «Это Сталин помогал привести Гитлера к власти и сделать из Гитлера настоящий Ледокол Революции. Это Сталин толкал Ледокол Революции на Европу. Это Сталин снабжал Ледокол всем необходимым для победоносного движения вперед. Это Сталин закрывал глаза на все преступления нацистов и готовил советскую операцию «Гроза», чтобы разбить Гитлера и получить в свои руки всю Европу. Но Гитлер разгадал замысел Сталина. Вот почему вторая мировая война закончилась катастрофой для Сталина: ему досталось только пол-Европы и кое-что в Азии» [2].

Книги В. Суворова и его концепции подвергались и в российской, и в зарубежной исторической печати достаточно резкой и убедительной критике. Их поддерживали лишь немногие из немецких историков. Разного рода сознательных выдумок у этого автора так много, что нет смысла их даже перечислять. Хотелось бы сказать только об одной из них, которую почему-то многие из оппонентов Суворова-Резуна оставили без внимания.

Если верить этому бывшему разведчику-«перебежчику», кроме первого стратегического эшелона Красной Армии, в котором было около трех миллионов солдат и офицеров, и который был предназначен для вторжения на территорию противника, Сталин и Жуков сумели создать и тайный второй стратегический эшелон, который должен был вступить в бой в конце июля и обеспечить окончательный разгром фашистской Германии. Но это не простые, а особые войска - «черные» дивизии и корпуса, сформированные из заключенных сталинских лагерей и тюрем, из «лесорубов», сохранявших и в Красной Армии свою черную тюремную форму. «Необычная черная форма, - писал В. Суворов, - преобладала во многих полках, дивизиях и корпусах второго стратегического эшелона, и поэтому их называли «черными». Они тайно выдвигались из Сибири и тайно отправлялись на запад. Из-за недостатка времени и обмундирования эзков отправляли на фронт в их одежде. В принципе разница невелика: те же кирзовые сапоги, что у солдата, зимой - та же шапка на рыбьем меху, в любой сезон бушлат, который от солдатского только тем и отличался, что темным цветом. Сталин предоставил эзкам возможность искупить свою вину и стать отважными бойцами до нападения Гитлера (выделено Суворовым). Армии, специально приспособленные принять в свой состав эзков в качестве пушечного мяса, начали формироваться еще до того, как возник «план Барбаросса». Каждая армия второго стратегического эшелона создавалась специально в расчете на внезапное появление на западных границах. Они формировались в районе концлагерей: мужики там к порядку приучены, в быту неприхотливы, и забрать их из лагерей легче, чем из деревень. Все они уже вместе собраны, в бригады организованы, а главное, если мужиков из деревень забирать, то без слухов о мобилизации и войне не обойтись. А Сталину все надо тихо, без слухов. Их можно было видеть потом и на фотографиях пленных - у каждого из них мощные мозолистые руки, бритый лоб и худоба на лице».

Надо ли опровергать весь этот бред для читателя, хорошо знающего, как жили, как питались, как работали и как выглядели заключенные в сталинских концлагерях в 1940-1941 гг.? Да, после неудач советско-финской войны 1939-1940 гг. Сталин распорядился освободить из лагеря несколько тысяч командиров Красной Армии, хотя и не высшего звена. Освобождено и небольшое число рядовых заключенных, в том числе из бывших курсантов военных училищ. В 1942 г. стали призывать в армию и дети бывших «кулаков» из спецпоселений на Урале и в Сибири. Но никаких «черных» дивизий и корпусов в Красной Армии не было.

Профессор Рурского университета из ФРГ Бонвеч Бернд пишет: «Не используя ни одного нового источника, В. Суворов утверждал, что пактом о ненападении Сталин намеренно провоцировал Гитлера на войну против западных держав с тем, чтобы потом, когда эти противники истошат друг друга, без особых усилий завоевать Европу для расширения влияния коммунизма. Гитлер якобы с июля 1940 г. знал, что будет обманут и поэтому начал превентивную войну, которая на несколько дней предупредила нападение Сталина. В. Суворов обосновывал свое мнение наличием идеологии «мировой революции» и соответствующими высказываниями «классиков» марксизма-ленинизма, вплоть до использования цитат из произведений Сталина, анализом производства вооружения, планов развертывания войск и конкретных военных мероприятий до 22 июня 1941 года на основе советских публикаций. Суворов не использовал ни одного немецкого издания. Его тезис о том, что Гитлер вел превентивную войну, основывается лишь на выводах о советских наступательных намерениях. Это, впрочем, относится и ко всем остальным сторонникам военного тезиса. Подход В. Суворова к источникам и литературе крайне непрофессионален и сомнителен [3].

Грубыми фальсификациями занимались и продолжают заниматься не только противники, но и апологеты Сталина. Особенно много нелепых выдумок содержится в книге В.М. Жухрая «Роковой просчет Гитлера», изданной в 2000 г. в Москве. Этот автор решительно отрицает причастность Сталина к массовым репрессиям 1937-1938 гг. В этих репрессиях «повинен не Сталин, а враги народа - иностранные агенты, сумевшие пробраться на руководящие партийные посты и в органы государственной безопасности». К

числу таких агентов В.М. Жухрай относит и Хрущева. «Сталин был добрым и сердечным человеком, - утверждает В.М. Жухрай, - и он проявлял повседневную заботу о товарищах, с которыми ему приходилось сталкиваться по работе. Он жил на скромную заработную плату, никогда не допускал материальных злоупотреблений, берег народную копейку и, будучи руководителем Советского Союза, нередко сам испытывал денежные затруднения». Канун войны - 21 июня. У Сталина в этот вечер была якобы диагностирована тяжелейшая флегмонозная ангина, но он отказался от госпитализации и даже от врачебной помощи, отправив профессора Б.С. Преображенского домой и запретив ему что-либо говорить о посещении дачи в Кунцево. «Утром 22 июня, - писал В.М. Жухрай, - больной Сталин, у которого температура держалась за сорок, временами, впадавший в полузабытье, вел заседание в своем кремлевском кабинете. Выступить по радио с обращением к советскому народу в таком состоянии он не мог. Но никто не догадался о подлинном состоянии Сталина. Даже пронизательный Жуков. Вернувшись в Кунцево, Сталин, не раздеваясь, на это не осталось сил, лег на диван и закрыл глаза. Силы оставили его, и он впал в забытие. Трое суток - 23, 24 и 25 июня 1941 г. - Сталин пролежал пластом, никого не принимая. Есть он не мог из-за нарыва в горле. В эти дни, кто бы ни звонил, получал один и тот же ответ: «Товарищ Сталин занят и разговаривать с вами не может». «О болезни Сталина не знала даже его личная охрана. Эти несколько дней члены Политбюро Сталина не видели и, естественно, терялись в догадках». Только 26 июня все еще тяжело больной Сталин начал снова работать в своем кабинете. Сталин, по утверждению В.М. Жухрая, решил факт своей болезни сохранить в строжайшей тайне, чтобы не радовать врага и не деморализовать советский народ.

Подобного рода фальсификаций по поводу событий первых дней Великой Отечественной войны очень много, но и правдивых свидетельств и добросовестных исторических исследований на эти темы появляется все больше и больше. В любом случае, мы видим, что Отечественная война 1941-1945 гг. была самым тяжелым, но также и самым героическим событием истории России и Советского Союза.

В книге «План Барбаросса» Алан Кларк так описывает 1 мая 1945 г.: «Для Чуйкова, героя Сталинграда, судьба припасла особую награду. В этот день к нему прибыл генерал Кребс, который еще с тремя офицерами выбрались из бункера под белым флагом, чтобы вести переговоры о капитуляции. Кребс немного говорил по-русски... С откровенной невыразимой наглостью он попытался заговорить с Чуйковым на равных, начав разговор с общих тем: «Сегодня Первое мая, великий праздник для обеих наших наций...»

Семь миллионов погибших русских, половина России опустошена, с каждым днем открываются новые свидетельства невыразимых зверств, которые творили немцы над советскими военнопленными и мирными людьми. И все же ответ Чуйкова был образцом сдержанности, доказательством хладнокровия и саркастического юмора этого человека. Он сказал: «У нас сегодня великий праздник. А как там у вас - трудно сказать» [4].

Литература

1. Юровицкий В. Готовился ли второй «брестский мир» в 1941 году? // Литературная газета, 20-26 июня 2001 г.
2. Суворов В. Ледокол. – М.: 1992. – С.302–303, 333.
3. Бонвеч Б. Наступательная стратегия – наступление – нападение // Отечественная история. – 1998. – № 3. – С. 22.
4. Алан Кларк. План Барбаросса. Крушение третьего рейха. 1941-1945 гг. – М.: Центрполиграф, 2002. – 482 с.

Парунова Ю.Д.

КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА XX в.

Актуальность исследования определяются социокультурными трансформациями в украинском обществе, когда социализация человека приобретает иные формы, чем это было в предшествующий советский период. На пути движения к информационному обществу встаёт вопрос, какой тип человека необходим такому обществу, каковы пределы его социализации, каково соотношение индивидуального и коллективного в ней. Помочь в решении этой проблемы могут исследования, которые раскрывают сущность информационного общества и место человека в нём. И хотя процесс социализации рассматривался исследователями в контексте других проблем и не является самостоятельным предметом анализа, ими был сделан неоспоримый вклад в разработку этой проблемы.

Проблемы социализации человека так или иначе касались как зарубежные исследователи (Э. Агаци, З. Бауман, Д. Белл, М. Бертрам, П. Бергер, Т. Лукман, Г. Маркузе, М. Мид, Х. Ортега-и-Гассет, И. Пригожин, П. Рикер, И. Стенгерс, О. Тоффлер, Ю. Хабермас, Т. Шибутани), так и исследователи на постсоветском пространстве (Антюхова Е.В., Шитова В.Н., Балыкова А.А., Воробьев В.П., Заковоротная М.В., Ковалёва А.И., Мудрик А.В., Плюснин Ю.М., Стариков Е., Хайруллина Ю.Р. и др.)

Объектом исследования является человек как субъектно-деятельностная первооснова социального бытия, как индивидуальная составляющая общественного развития, предметом - социализация человека в XX в.

Объект и предмет определили цель и задачи работы. Цель: рассмотреть основные концепции социализации человека в XX-XXI вв. Задачи:

- рассмотреть типы социализации человека в XX в.
- рассмотреть основные характеристики информационной цивилизации в контексте социализации человека;